

НЕ
ПРОСИ

К. БЛЭКВУД

18+

К.Блэквуд К.Блэквуд

Не проси

<https://litres.ru/73918659>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ян Смирнов становится первым героем цикла, где каждая история открывает новую грань большого мрачного мира.

Здесь люди сталкиваются не просто с призраками, проклятиями, чудовищами или не только с ними. Они сталкиваются с местами и силами, которые отвечают на желания, искажают реальность, ведут свои счёты и всегда требуют цену.

Кто-то хочет спасти близкого. Кто-то — узнать правду. Кто-то — выжить после ошибки, которую уже невозможно исправить.

Истории самостоятельны, но связаны между собой общей мифологией. Постепенно за ними проступает Nox Aeterna — древняя и загадочная организация, наблюдающая за тем, что скрыто от обычного мира.

Для читателей, которым нравятся атмосферный хоррор, мистические расследования, тайные организации и истории, где самое страшное начинается с надежды.

Содержание

Глава 1 . Лучшее-туда	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

К.Блэквуд

Не проси

Глава 1 . Лучшее-туда

I

Антон с детства терпеть не мог бегать по кругу, но к тридцати с небольшим понял: есть вещи, против которых бессмысленно возражать. Он стал выходить в парк каждый вечер: сначала для того, чтобы стать выносливей и сбросить пару килограммов, потом — чтобы хоть на час уйти от вечно-го гудения рабочих чатов, нескончаемых дедлайнов и ощущения, что жизнь проходит где-то сбоку. Теперь эта вечерняя пробежка была его единственным способом сохранить себя в целости, не дать внутренней пружине окончательно лопнуть. Ощущение пустоты внутри нарастало.

Дорога в парк обычно начиналась с раздражения. Антон чертыхался под нос, если в ботинке оказывалась лишняя крошка, если куртка вдруг становилась тесной или шарф казался недостаточно спортивным. Но стоило добежать до первой аллеи недалеко от моста, как раздражение начинало рассеиваться, уступая место какой-то странной отрешённости, даже безразличию, в котором неожиданно было очень удобно.

К декабрю в парке сталолюднее и громче. Дети катались на санках не только по специально приспособленным горкам, но и по замёрзшей траве, визжали, падали, потом вскакивали и катились дальше. Молодые родители, одетые в одинаковые пуховики, обсуждали акции в супермаркетах и скидки на строительные материалы. Вечером толпа чуть редела, но всё равно сохраняла какую-то праздничную возбужденность, как будто приближающийся Новый год был обязательной, всенародной радостью, и не заразиться этим было невозможно.

Сегодня парк выглядел особенно завораживающе: перед новогодними праздниками его украшали множество ёлок, сверху донизу увешанные гирляндами и причудливыми игрушками, где-то умельцы лепили волшебных персонажей популярных мультиков и сказок из снега, от ларьков тянуло хотдогами и горячей кукурузой; запах смешивался с морозом, дымом и мокрой шерстью чужих варежек. Еловые ветки на обочине аллеи провисали под тяжестью гирлянд, роняя комья снега на землю.

Снег внизу искрился тусклыми вспышками под редкими фонарями — в двух из них лампы давно перегорели, и между ними тянулись длинные полосы темноты. Игрушки на ёлках — покосившиеся, кое-где с облупившейся краской — отражали цветные огоньки с ларьков. Малиновые, зеленые, жёлтые блики плясали по белому снегу, слишком яркие, почти тревожные.

На обычном маршруте Антон почти ни о чём не думал. Разве что о Новом годе — странном празднике, который вроде давно перестал быть детским, но всё равно каждый декабрь делал вид, что может вернуть человеку прежнюю радость.

— Извините! Пр- пр- прошу прощения... у вас не найдется немного денег, пожалуйста? — внезапный, скрипучий, будто с трудом выдавленный из опухших и воспалённых связок голос мужчины резко вырвал Антона из его рассеянных, ни к чему не обязывающих новогодних размышлений.

Он даже не сразу понял, откуда взялась эта фигура, такой была органичность ее появления в перетянutom гирляндами пейзаже парка. Она как будто материализовалась слева от беговой дорожки: огромная, уродливая, грязная. Первым инстинктом было отпрыгнуть, отскочить прочь и ускориться, чтобы как можно быстрее уйти от угрозы, но ноги не слушались — в этот момент Антон понял, что просто врос в землю, и застыл там, где его настиг окрик.

Его поразило даже не то, что человек оказался настолько близко — метра два, от силы три, — а то, что он не был ни страшен, ни агрессивен. Это был, если отбросить всю чудовищность внешности, самый обычный бездомный, каких Антон видел в парке тысячи раз, особенно зимой, когда они сбивались в стаи возле ярко освещённых детских площадок и киосков с хотдогами, попрошайничая у прохожих или просто греясь в теплых струях света. Но этот — явно новичок

или, наоборот, ветеран, прошедший сквозь все возможные круги санитарного ада — был особенно велик ростом и какой-то нечеловеческой массивности.

На нем болталось чудовищно потрепанное шерстяное пальто, из-под которого торчал выцветший, местами прожжённый шарф, замотанный вокруг шеи так крепко, что казалось: чуть сильнее — и мужчина сам себя придушит. Он тянул к Антону ладонь, обтянутую драной перчаткой с отрезанными пальцами, и на этих пальцах лежали какие-то наросты из серой, похожей на мокрую муку кожи, как будто их макнули в жидкое тесто и забыли об этом. Вторая рука — или то, что должно было быть рукой...скрывалась под пальто.

Сейчас же он почувствовал, как внутри него завелось мерзкое, чужеродное ощущение — будто бы этот человек способен забрать у него больше, чем просто мелочь.

Антон моргнул, и на долю секунды ему показалось, что за спиной нищего колыхнулась тень. Не его собственная — та покорно лежала на снегу, придавленная светом фонаря, — а другая, огромная, бесформенная, которая не принадлежала ни человеку, ни дереву, ни чему-либо, что можно было бы назвать. Она дышала. Антон потряс головой, и тень исчезла. Остался только бездомный — грязный, жалкий, с протянутой рукой.

«Нервы», — сказал себе Антон.

— Мне очень жаль... но я просто на пробежке, я не брал с собой никаких денег... — вырвалось у Антона слишком

быстро и слишком громко. В голосе слышалась, пожалуй, даже ненависть к самому себе за то, насколько в нем мало решимости. Он стоял, не отводя взгляда от лица нищего, и с ужасом обнаружил, что перед ним не просто мужчина, а что-то куда более древнее, как будто вылезшее со страниц постсоветских страшилок о городских призраках и исчезнувших людях, навсегда осевших под мостами и у канализационных люков.

— Вообще ничего нет, даже карты, — добавил он немного тише, почти шепотом, как будто старался стать для собеседника менее заметным.

— Молодой человек, — сказал тот — и в голосе не было ни осуждения, ни злости, только усталость и какая-то детская обреченность, — ну вы же посмотрите на себя! Вы такой красивый, как в кино! На вас спортивная одежда, у вас, наверняка, есть дом, родители, все в порядке и даже лучше, чем у большинства. А у меня — пусто, понимаете? Зима! Праздники на носу! Я бы не стал вас тревожить, если бы не... — он немного понизил голос и, выдохнув, прикрыл рот тыльной стороной ладони: — ... у меня за углом маленькая дочь, ей очень плохо, а я не знаю, как ей помочь. Прошу вас, хотя бы пару монет! Для нее! Я вас умоляю, молодой человек!

Теперь, когда всё внимание Антона сосредоточилось не на уродливой внешности собеседника, а на его глазах, он вдруг заметил, что в них нет ни тени лукавства. Наоборот, там от-

ражалась какая-то чистая, первобытная тоска, от которой, как в детстве, хотелось просто убежать, забраться под одеяло и не высовываться до утра.

Он пытался вспомнить, что ему рассказывали о таких ситуациях коллеги: не вступать в разговоры, не давать денег, не делать резких движений. Но вместо этого вдруг услышал собственный голос, сорвавшийся на полуторжественный фальцет:

— Я бы помог, честно, но... — он опустил глаза и вдруг почувствовал: если не скажет хоть что-то ещё, то потом, всю оставшуюся жизнь, будет вспоминать этот разговор как самое большое предательство. — Я врач. Если хотите, я могу посмотреть на вашу дочь. Я понимаю, это не деньги, но... может, я смогу чем-то помочь прямо сейчас.

— Вы... вы это серьезно? — бездомный отступил на шаг, как будто надеялся, что сейчас за Антоном появится ещё кто-то, специально обученный ловить таких, как он, на работе. — Вы не шутите? Вы правда врач?

— Да, терапевт. Могу посмотреть, что с ней, — Антон сам не понял, почему так легко сдался, и тут же пожалел о сказанном: у него в голове уже нарисовалась картина, как он стоит посреди парка, окруженный толпой каких-то мутных личностей и вынужден спасать чужого ребенка, когда у него самого полно неотложных дел. Но голос бездомного вдруг стал другим: в нем появилась какая-то странная серьезность и даже достоинство.

— Это тут рядом. Мы прячемся под мостом, там тепло. Она очень слабая, кашляет и не ест ничего третий день. Я прошу вас, если есть хоть минутка, — он посмотрел на Антона так, что тот не смог бы отказаться даже если бы хотел, — пожалуйста, пойдите со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.